
**«...ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕТ,
А ПОСАДИТЬ НАДО»
МЕТОДЫ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ
ВКП(б) В 1930-Е ГОДЫ**

Вадим Николаевич КАРАМАН,

научный сотрудник государственного архива Приморского края

После проведения кампании раскулачивания и создания колхозно-совхозной системы крестьяне потеряли какую бы то ни было экономическую независимость; репрессии против них не закончились, они практически ничем не отличались от репрессий против других слоев общества. Если во время хлебозаготовительной кампании и раскулачивания основными репрессивными органами были местные власти, то позже все функции, связанные с карательными мерами, полностью перешли к Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ), созданному на основе реорганизации ВЧК декретом ВЦИК СССР от 15 ноября 1923 г.

Постановлением ЦИК СССР ОГПУ от 10 июля 1934 г. было также в свою очередь реорганизовано и вошло в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Функции ОГПУ и НКВД за все время их существования постоянно расширялись. Роль судебных органов выполняли специально созданные структуры. При ОГПУ СССР, а также при Полномочных представительствах ОГПУ в регионах были созданы так называемые трибуналы (тройки), а позже — особые совещания при Народном комиссариате Внутренних дел СССР и при региональных управлениях. В функции «образований» входило вынесение приговоров в ускоренном порядке в течение 15 минут без прений сторон и вызова свидетелей, с немедленным приведением приговора в исполнение. Подобное судопроизводство позволяло в кратчайшие сроки осудить значительное число людей. При этом не только нарушалась объективность следствия, но напрямую игнорировалась. А так как задачей «троек» и особых совещаний было именно репрессирование неугодных, а не выяснение истинной виновности подсудимого, то такой порядок вынесения приговоров для властей был наиболее удобным и эффективным.

Главным инструментом репрессивной политики ВКП(б), проводимой с помощью ОГПУ НКВД, стали практика применения незаконного осуждения и заключение на различные сроки или депортация. Достигалось это тремя путями: во-первых, расширенным толкованием той или иной статьи Уголовного кодекса (в основном статьи 58 УК РСФСР), позволяющем квалифицировать незначительные упущения в работе, или критические высказывания как государственное преступление; во-вторых, простой фабрикацией следственных дел, если расширенное толкование не позволяло осудить по предъявленному обвинению. То есть, человека обвиняли в преступлении, которого он не совершал. Здесь также в основном использовалась статья 58 УК РСФСР; в-третьих, принятием закона или подзаконного акта (постановление, приказ), согласно которому ранее честные граждане автоматически становились преступниками в силу принадлежности к той или иной социальной или национальной группе. Сюда же можно отнести сеть инструкций и предписаний (особенно это касается Закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7.08.32.), дававших право и возможность органам власти практически любое действие крестьян по спасению своей жизни при создавшихся после коллективизации условиях расценивать как преступление или фактически доводить до него.

Именно эти три выделенные нами способа ликвидации или нейтрализации неугодных режиму лиц применялись после завершения коллективизации, хотя конечно, использовались и ранее.

Такой вид репрессий, как необоснованное привлечение к уголовной ответственности (как с помощью расширенного толкования той или иной статьи Уголовного кодекса, так и прямой фальсификации следствия), требовал необходимого юридического обеспечения. Таким юридическим обеспечением являлась 58-я статья Уголовного кодекса. Эта статья, состоявшая из 18 пунктов, предполагала осуждение за действия, направленные против существующего государственного строя и его институтов. Разумеется, любое государство не может мириться с этим. Однако такие преступления не являются правилом общественной жизни, а, наоборот, исключением из них. Формулировки же 58-й статьи были настолько расширенны, что позволяли практически любого человека сделать виновным в совершении преступления, предусмотренного упомянутой статьей. Главным пунктом, который в большинстве случаев предъявлялся крестьянам, был пункт десятый. Первоначально в Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. он звучал так: «Особенная часть. Глава 1. Преступления государственные. Контрреволюционные преступления. Статья 58¹⁰. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной

тайной...»¹ Через год согласно Постановлению ВЦИК и СНК СССР от 6 июня 1927 г. в Уголовном кодексе РСФСР глава 1 — преступления государственные — была разделена на две части: контрреволюционные (1) статьи 58¹—58¹⁴ и особо опасные — против управления (2) статьи 59¹—59¹³. Таким образом, число пунктов 58-й статьи было сокращено до четырнадцати².

23 января 1935 г. выходит директива прокурора СССР, которая гласила: «... 1. Контрреволюционные выступления, одобряющие террористические акты в отношении вождей Партии и советского Правительства, квалифицировать по ст. 58—10 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. ... 3. По вопросу подсудности дел по ст. 58—10 руководствоваться следующим: ... б) дела в отношении одиночек, обвиняемых в террористической пропаганде и террористических высказываниях, а также групповые, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, как правило, направлять для рассмотрения Особым совещанием при НКВД СССР, что, однако, не исключает передачи этих дел в спецколлегии, если это вызывается местными условиями»³. Такая трактовка десятого пункта 58-й статьи сохранялась и наиболее активно использовалась до 1938 г., когда вышла директива Народного комиссариата Юстиции СССР № 13с от 15 апреля 1938 г. Эта директива не отменяла применение десятого пункта статьи 58, но несколько упорядочивала ее применение.

Репрессивная политика против крестьянства в виде грабительской хлебозаготовительной кампании и раскулачивания с депортацией и конфискацией нажитого крестьянами имущества не могла не вызывать недовольства крестьян. Расширенная трактовка особенно десятого пункта пятьдесят восьмой статьи юридически квалифицирует такое недовольство как государственное преступление. Принятие решения по данной статье напрямую зависело от воли следователя, который вел дело, и от существовавшего в то время политического курса.

С начала 1930-х годов репрессии по 58-й статье усилились. Если в период коллективизации считалось достаточным раскулачивание и выселение или осуждение по статьям 61 и 107 УК РСФСР, то со второй половины 1930-х годов для ликвидации или нейтрализации недовольных новыми порядками в деревне органы ОГПУ, а с 1934 г. НКВД по нарастающей стали применять именно статью 58. Причем обвинение или оправдание впрямую зависело от проводимого тогда политического курса.

Вот пример типичной формулировки для вынесения оправдательного решения сразу после появления в печати статьи Сталина «Головокружение от успехов». В постановлении ПП ОГПУ ДВК от 27 апреля 1930 г. говорилось: «По своему социальному положению обвиняемый является крестьянином-средняком, факты недовольства и антисоветских проявлений, имевшие место с его стороны, явно недостаточны для возбуждения уголовного преследования против середняка; содержание его под стражей и связанная с арестом конфискация имущества могут послужить к справедливому недовольству остальной середняцкой массы данного села»⁴. Подобные документы относятся к периоду кратковременного отступления, когда над сельскими властями тяготела статья Сталина. А когда стало ясно, что это очередной идеологический демарш, репрессии возобновились с новой силой, обвинительные приговоры крестьянам по 58-й статье стали правилом, а органы ОГПУ, НКВД быстро наверстали упущенное. После того как все попытки деревни отстоять свои права были окончательно сломлены, репрессивные меры ужесточились и для осуждения уже было достаточно принадлежности к крестьянскому сословию или нелояльности к советской власти в прошлом.

От органов НКВД на местах со все большей настойчивостью стали требовать найти и обезвредить контрреволюционные повстанческие организации вне зависимости от того, существовали они реально или нет. И в отделениях ОГПУ, а после 1934 г. НКВД различного уровня стали появляться в немыслимых

количествах различные разоблаченные этими органами контрреволюционные организации. Так, в обвинительном заключении начальника управления НКВД по Дальневосточному краю Дерibasа от 20 февраля 1935 г. по делу о мифической контрреволюционной казачьей повстанческой организации, в частности, говорилось: «Материалами предварительного следствия прямая и активная к/р повстанческая и вредительская деятельность указанных выше 10 обвиняемых в достаточной мере не доказана, однако, учитывая что большинство обвиняемых по своему социальному прошлому являются кулаками, активными участниками колмыковщины, а также учитывая дальнейшее пребывание обвиняемых на свободе в пределах ДВКрая является социально опасным — полагал бы: направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР»⁵.

То есть, обвинение сводилось к такой логической линии: доказательств нет, а посадить надо, потому что крестьяне — это в прошлом кулаки. Следственные дела с подобной логикой заключения нередкость. Значительное число колхозников и оставшихся единоличников были необоснованно осуждены по 58-й статье УК РСФСР с подобной расширенной формулировкой. В основном крестьяне привлекались по пункту 10 данной статьи, предполагавшей осуждение за контрреволюционную пропаганду и агитацию. Толкование статьи было настолько расширенным, что любое несогласие человека с теми или иными действиями властей могло расцениваться как злостная агитация, направленная на свержение существующего строя. Но именно это и требовалось от репрессивного аппарата — заставить выполнять любые распоряжения властей. А 58-я статья и ее десятый пункт наиболее для этого подходили. Среди репрессированных крестьян большинство осужденных оказались по этому пункту статьи. Надо отметить, что основной контингент аппарата НКВД составляли люди, не имевшие не только юридического, но и среднего образования, что, разумеется, накладывало отпечаток на формулировку обвинения. Поэтому значительное количество дел по репрессированным крестьянам не имеет квалификации по статье УК. При вынесении приговора зачастую вместо статьи стоит расплывчатая формулировка типа: «контрреволюционная деятельность, недовольство колхозным строем, антисоветские настроения» и т.д.

Кроме расширенного толкования статьи гораздо чаще фабриковалась и прямая фальсификация следственных дел. Для этого следователи не прибегали к тонким изощрениям и подтасовкам. Организаторам репрессий было достаточно признательных показаний обвиняемых или обвинительных показаний свидетелей. Но иногда не требовались и признательные показания. Часто встречаются дела, где есть только анкета арестованного, указаны год, место рождения и работы, другие биографические данные; в деле находится также единственный протокол допроса (обвиняемого или свидетеля), в котором просто повторяются данные анкеты. Какие-либо обвинения или признательные показания подследственного отсутствуют.

Тем не менее дело, состоящее из этих двух — трех листов с биографическими данными, заканчивается выпиской из постановления «тройки» или особого совещания ОГПУ, НКВД о приговоре либо к расстрелу, либо к различным срокам заключения. Например, в деле П-23987⁶ есть только один допрос обвиняемого и три — четыре допроса свидетелей с самыми расплывчатыми показаниями, которые даже в обвинительном заключении не приводятся в качестве примера антисоветской деятельности, тем не менее приговор — высшая мера наказания — вынесен постановлением тройки УНКВД ДВК от 26 ноября 1937 г. Реабилитирован 9.08.56 г. Постановлением Президиума Приморского краевого суда, т.е. после осуждения властями практики массовых политических репрессий. Несмотря на общую репрессивную политику по отношению к крестьянству до 1934 г. (т.е. до Постановления ЦИК СССР об ускоренном порядке ведения следствия), оправдательные приговоры встречаются гораздо чаще, чем после 1934 г., поскольку следователям ОГПУ первой половины тридцатых годов еще не пришли на смену более исполнительные следователи вре-

мен «большого террора». Вот характерный пример того, что позиция следователя значила очень много. Это записка в деле, где не было даже относительно четкого обвинения. «...Овчинка выделки не стоит, пусть едет, а то работы много, ведь надо почти снова дело начинать... 13/V-32 г.»⁷. Записка датирована маем 1932 г., т.е. временем, когда репрессии против крестьян стали только нарастать, но начальник ведущего дела следователя счел возможным отпустить арестованного, что еще раз подтверждает тот факт, что от прямых исполнителей репрессивной политики зависело очень многое.

Но по мере ужесточения политики репрессий получение признательных показаний от подследственных все больше становилось почти обязательным условием, так как террором против крестьян (как, впрочем, и других слоев общества) было не только осуждение, но и сам процесс следствия. Получить признания можно было только с помощью пыток, которые стали применяться со все большим размахом. При этом от следователей требовали фактически поточного производства. На Дальнем Востоке такой подход достиг своего апогея после приезда заместителя наркома НКВД СССР Фриновского, который в своих указаниях давал прямую установку добывать обвинительные показания любыми путями.

Наиболее полно картину этого периода дают показания Н.М. Мочалова, одного из самых жестоких следователей Приморского областного управления НКВД, осужденного к расстрелу за «незаконные методы ведения следствия и нарушение соцзаконности» в июле 1940 г. от 10 ноября 1939 г. Подобные факты в делах реабилитированных встречаются довольно часто.

К примеру, в обвинении в контрреволюционной деятельности председателя Приморского облисполкома они звучали так: «В начале очной ставки Диментман на мой вопрос ответил, что применение незаконных методов следствия к большинству арестованных в Приморском областном управлении в период его руководства шло по прямым директивам крайуправления НКВД и НКВД СССР... Поскольку все это (так в документе. — **В.К.**) шло из Москвы, я считал, что это временные законные, необходимые меры в стране. Об этом неоднократно на оперативных совещаниях указывал Диментман, и это подтвердил в июле 1938 года так же на оперативном совещании Управления быв. зам. наркома Фриновский. Законными методами я их считал и потому, что об этом знали все прокуроры во Владивостоке, ведущие наблюдение за делами НКВД... Знал об этом и пом. Военного прокурора Главной Военной Прокуратуры, приезжавший во Владивосток в марте — апреле 1938 г. с Военной Коллегией. Об этом так же знал председатель выездной сессии Военной Коллегии Никитченко»⁸.

Кроме репрессий, применяемых к крестьянам, карательные меры коснулись и руководителей различных уровней, чтобы выработать у них рефлекс беспрекословного повиновения. С началом второго московского процесса 23 января 1937 г. против «троцкистско-зиновьевского центра» страна вступила в период так называемого «большого террора». Этот термин еще не окончательно утвердился в исторической литературе, но для обозначения периода с января 1937 по ноябрь 1938 г., т.е. до постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» он наиболее приемлемый. Хотя первым звонком о том, что дальнейшее проведение «большого террора» может захлебнуться, стало постановление пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», проходившее 11—20 января 1938 г.

В результате проведения «большого террора» к 1938 г. сменились практически все руководители ОГПУ, НКВД как по стране, так и по ДВК и Приморской области, на которых и была возложена вся вина за репрессии.

На Дальнем Востоке ужесточение карательных мер началось после идеологического наступления на мартовском (с 25 февраля по 5 марта) пленуме

ЦК ВКП(б), когда УНКВД по ДВК было арестовано практически все советское и партийное руководство Приморской области. Основными обвинениями, были развал колхозного строительства, недостаточная бдительность и примиренчество к врагам народа. Вот наиболее характерный пример таких обвинений, взятых из протокола допроса С.Ф. Гаркуш, бывшего прокурора Уссурийской области от 25 мая 1938 г. «Репрессии против единоличников были ослаблены, принимались все меры к отмене постановлений РИКов об обложении единоличников и, наоборот, — усиливались репрессии против колхозников и была прекращена борьба с нарушителями устава с/х артели»⁹.

В этом случае крестьянский вопрос уже не имел особого значения, а был только разменной монетой для раскручивания маховика репрессий, так как за неудачи общей политики в деревне должны были ответить конкретные люди. Для этого наиболее подходящими стали политические противники единоличной власти как действительные, так и мнимые или потенциально могущие стать таковыми. Если по крупным делам применялись различные пункты 58-й статьи, то по делам против крестьян как колхозников, так и единоличников обвинение чаще формулировалось без статьи — антисоветская или контрреволюционная агитация или еще более расплывчато — контрреволюционная деятельность, недовольство советской властью и колхозным строем, антисоветские настроения и т.д.

Применение 58-й статьи УК РСФСР даже в расширенных масштабах не удовлетворяло власти, стремившиеся лишить крестьян какой бы то ни было возможности восстановить силы. Поэтому в разгар «большого террора» вышел приказ по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Применение этого приказа означало арест без санкции прокурора и без предъявления обвинения, т.е. повторялось раскулачивание, но в меньших масштабах по произвольно толкуемым признакам. Сам приказ противоречил существовавшим на время его издания законам СССР, тем не менее его широко использовали управления НКВД на местах. Вступление в колхоз и признание властями непринадлежности к кулакам еще не ограждало крестьянина от политического преследования. Для правящих идеологов коммунистическое учение второй половины 30-х годов стало ортодоксальным. Они всегда оставались только «попутчиками» в коммунистическом движении и в силу своей принадлежности к мелкобуржуазному классу — потенциальными изменниками делу построения коммунизма. Поэтому для закрепления своей власти над крестьянством руководство ВКП(б) было вынуждено принять еще дополнительные репрессивные меры в виде особых подзаконных актов. Таким актом, давшим юридическое основание проведению новой массовой операции против крестьян, и послужил упомянутый приказ по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Хотя к этому времени крестьяне уже не представляли той силы, какой они были в 1928 г., тем не менее было принято решение о дальнейших массовых репрессиях против крестьянства, чтобы окончательно закрепить положение вещей в деревне. В частности, приказ предполагал следующее: «...с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников... Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок»¹⁰.

На основании этого приказа многие крестьяне, уже отбывшие сроки заключения по 58, 61 и 107-й статьям УК РСФСР, снова возвращались в концентрационные лагеря, а многих приговаривали к расстрелу. При этом деление «виновников» на категории настолько зависело от следователя, что не поддается какой бы то ни было логике. Оправдательные приговоры за этот период хотя и встречаются, но чрезвычайно редко. Не помогают и апелляции на несправедливые приговоры. «Вдовенко М.Д., отбывая наказание на ст. Тайшет — СибЛАГА НКВД, подал жалобу в ЦК ВКП(б) т. Сталину о пересмотре его дела, по которому он якобы незаслуженно наказан, т.к. он никогда а/сов (антисовет-

ской. — В.К.) агитацией не занимался и кулацкого хозяйства не имел... оставить без последствий». — заключение УНКВД по Приморскому краю от 7 января 1941 г. Реабилитирован 17 мая 1957 г.¹¹ Чтобы снизить поток жалоб на незаконное осуждение, часто использовался приказ по НКВД № 00515 — сообщать о ВМН (высшая мера наказания) — расстреле как о 10 годах ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря) без права переписки.

Применение приказа № 00447 о проведении массовой операции позволяет сделать заключение, что политическое руководство страны не было заинтересовано в том, чтобы осужденные крестьяне возвращались к сельскому труду, а следовательно, получали возможность восстановить свой экономический потенциал. Осужденных по этому приказу предполагалось использовать на работах, не связанных с сельским хозяйством.

Вторым подзаконным актом, не направленным специально против крестьян, но тем не менее непосредственно их задевшим, было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края» № 1428-326сс от 21 августа 1937 г. Корейцы оказались вторыми по численности после русско-украинского населения на Дальнем Востоке. Поэтому депортацию корейцев из пределов ДВК в Среднюю Азию и Казахстан правомерно рассматривать как не только нацистскую, но и антикрестьянскую кампанию, так как большинство корейцев были крестьянами. Эта массовая акция по выселению корейцев проводилась так же, как и раскулачивание, с помощью специальных «троек». И по своим действиям эта кампания практически мало чем отличалась от раскулачивания. Основное отличие заключалось в том, что корейцам предполагалось на месте возместить стоимость имущества. Но на практике с корейцами поступили как с раскулаченными — нажитого имущества они лишились. К 25 апреля 1938 г. в Приморской области они оставили имущества на сумму 8 236 000 руб., в Уссурийской — 9 043 000 руб.¹² Общее число выселенных корейцев по неполным данным составило 36 442 семьи (171 781 чел.)¹³

Высылкой корейцев массовые акции против крестьян закончились, крестьянство перестало быть той частью общества, какая была до этих одиннадцати лет непрерывных репрессий.

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.; Республика, 1993. С. 24.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 36.

⁴ ГАПК. Ф. 1588. Д. П-23320. Л. 34.

⁵ Там же. Д. П015861. Т. 9. Л. 136, 137.

⁶ Там же. Д. П-2398.

⁷ Там же. Д. П-23740. Л. 13.

⁸ Там же. П-23996. Л. 155.

⁹ Там же. Д. П-236-7. Л. 74.

¹⁰ Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток, 1997. С. 39—41.

¹¹ ГАПК. Ф. 1588. Д. П-23818. Л. 47—48.

¹² Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения Приморья в документах Государственного архива Приморского края (1937—1940). // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф... С. 243.

¹³ Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф... С. 256.

Summary. The author of the article “There is No Testimony but There is an Order to Put under Arrest”: Methods of Repressive Policy of the All-Russian Communist Party (b) in the 1930-s”, basing on the archive data, shows the methods of repressive policy of All-Russian Communist Party (b) [VKP (b)] towards the peasants.